

«БАЛАЛАЙКА, ШАМПАНЬ, СТЫД...»

«Профессор, спутник, Ленин, балалайка, генерал, шампань, аноним...» Речитатив - абракадабра на русском языке наплывает на зрителя, когда музыка П. И. Чайковского сменяется тяжелым ритмом рок-группы «Резиданс». По сцене парижского Дворца конгрессов кружатся в стилизованном трепане обтянутый нукольным кафтаном Петр I («Я Петр Великий! Я смотрю на море, и на этом море я построю свою столицу!» — звучит сквозь снопные), бородастый поп с иконой, Чайковский с баронессой фон Мекк в кринолине и облаченный в строгую «тройку» человек с бородавой клинышкой.

Жан, неужто это Ленин? — ошарашенно спрашивает мужа моя соседка.

— А мне кажется, Троцкий... — глубокомысленно роняет Жан, приехавший благодаря ТВ к таким зрелищам и метафорам.

«Что вы любите?» — на весь зал раздается порусски голос откуда-то сверху.

«Я ничего не люблю», — отвечает ему другой. И под попури «Марсельезы» и «Боже, царя храни» на сцену выкатывают дорожный сундучок. На боку его написано: «Петербург». После нескольких затейливых па человек с бородавой отгоняет от пузатого сундучка Петра I в сапогах и кафтане, разворачивает «добычу» в свою сторону. И перед заинтригованным зрителем предстает надпись, сделанная на другом боку сундука: «Ленинград»...

Честно говоря, сам я запутался в маскарадных аллегориях, представлен-

ных Морисом Бежаром в балете «Воспоминание о Ленинграде». Тут и разнокалиберные матрешки, и солдаты, похожие на гостиничных портье, и гимнасты в трико, расписанных буквами кириллицы, и сам Мариус Петипа, дающий уроки хореографии... Ну а соединить воедино этот разномыслный калейдоскоп предназначено русскому поэту Ивану-Дураку (именно так он представляется). Его обтрепанный образ, списанный со знаменитых парижских клошаров, появляется на авансцене, чтобы с усталым глубокомыслием прокомментировать разрозненные танцы. Кстати, их исполнители — нельзя не отдать им должное — высокие профессионалы, что трудно сказать об Иване-Дураке. Специально для этой роли М. Бежар пригласил одного из бывших граждан СССР. Видимо, для пущего национального колорита! Вот как Иван-Дурак, с первой реплики уточнивший, что на его родине «для поэта лучший дом — госпиталь», откровенничает перед публикой:

«Ленинград — самый красивый город в мире. Так говорят люди, никогда не видевшие ни одного заграничного города».

«Чайковский — это Париж, Нью-Йорк, Бродвей. Я, Иван-Дурак, — всегда Ленинград».

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

«Я плачу по тебе, русский народ. Я — петербургский клошар, крестьянин, убитый солдатами...»

Несложно догадаться о содержании остальных «дуррацких» пассажей, сопровождающих па-де-де и па-де-труа с иконами, винтовками, балалайками и без оных. Трудно понять другое: зачем понадобилось Бежару, большому художнику, хорошо известному и уважаемому в нашей стране, превращать воспоминания о не столь давней поездке в Ленинград в торопливый спектакль, приперченный изрядной толикой антисоветизма? Ведь и без него хватает в Париже тех, кто продолжает усердно порочить нашу страну. Неужели все это лишь для того, чтобы заявить громче о дебюте своей новой труппы (знаменитый брюссельский «Балет XX века» распущен и вместо него создан ансамбль «Бежар балле Лозанн», прописавшийся в Швейцарии)? Или это просто-напросто попытка поиграть на интересе к Советскому Союзу, который ныне настолько велик во всем мире, что западная публика съест любое блюдо, только бы оно было заявлено в программке как «национальное русское»?..

...Так и подмывает построить свой сюрреалистический ряд: «Профессор, балет, пародия, стыд...»

Кирилл ПРИВАЛОВ,
соб. корр. «ЛГ»
ПАРИЖ

ЛИТЕРАТУРА
Г. Москва

3
— 528 1988